

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.40>

Черкесова Зарета Валериевна

ДИСКУРСИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается дискурсивное варьирование качественных прилагательных "хужь" ("белый"), "фыц!э" ("черный") и "пльыжь" ("красный") в кабардино-черкесском языке. Выявление некоторых дискурсивных вариантов значений слов исследуемой части речи способствовало экспликации различных изначально имплицитных или имплицитированных в конкретном дискурсе семантик прилагательных. Установлено, что дискурсивно-семантические варьирования обусловлены как природой самого кабардино-черкесского языка, так и авторской задумкой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 197-200. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.359

Дата поступления рукописи: 26.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.40>

В статье рассматривается дискурсивное варьирование качественных прилагательных «хужь» («белый»), «фЫцІЭ» («черный») и «пльыжь» («красный») в кабардино-черкесском языке. Выявление некоторых дискурсивных вариантов значений слов исследуемой части речи способствовало экспликации различных изначально имплицитных или имплицированных в конкретном дискурсе семантик прилагательных. Установлено, что дискурсивно-семантические варьирования обусловлены как природой самого кабардино-черкесского языка, так и авторской задумкой.

Ключевые слова и фразы: кабардино-черкесский язык; прилагательные; семантика; дискурс; варьирование; контекст; имплицит; подтекст.

Черкесова Зарета Валериевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра

Российской академии наук, г. Нальчик

zara7belle@mail.ru

ДИСКУРСИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема варьирования имени прилагательного – в числе наиболее актуальных на сегодняшний день. В работах известных лингвистов-семасиологов (Э. В. Кузнецова, З. Д. Попова, И. А. Стернин), отличающихся убедительными положениями относительно семантического варьирования слова, подчеркивается как обязательная мысль о необходимости выявления специфики коммуникативного поведения различных типов лексических единиц [6; 8].

В кабардино-черкесском языке, как и во многих других языках, имя прилагательное является самостоятельной частью речи со своей системой категорий. В зависимости от обозначаемого прилагательные кабардино-черкесского языка подразделяются на качественные и относительные. Качественные прилагательные, будучи определительными (характеризующими) словами, выполняют функцию передачи качества предмета. Главная задача этих прилагательных заключается в извлечении того или иного свойства (качества) из семантики опорной леммы для их употребления в виде приложения к тому или иному объекту, сигнифицируемому характеризующим существительным. Набор этих свойств (качеств) достаточно широк и эксплицитно или имплицитно содержится в семантическом ядре прилагательного, чем и обусловлена **актуальность** данного исследования.

Целью работы является выявление семантических варьирований рассматриваемых качественных прилагательных в зависимости от дискурса их употребления. Для этого необходимо решить следующие **задачи**: проанализировать художественную литературу по проблеме специфики выражений с рассматриваемыми цветообозначениями и систематизировать дискурсивные варианты семантики прилагательных.

Научная новизна состоит в том, что впервые подробно рассматривается дискурсивно-семантическое варьирование качественных прилагательных кабардино-черкесского языка «хужь» («белый»), «фЫцІЭ» («черный») и «пльыжь» («красный») на материале художественных произведений.

Дискурсивные варьирования прилагательных во многом носят частный характер, а в некоторых случаях они могут иметь (или быть наделены автором) единичную сигнификацию в определенном контексте, поэтому фиксирование в словарях (вне зависимости от их разновидностей) всех контекстуальных вариантов прилагательных представляется невозможным и ненужным. Как правило, язык концентрируется на самом главном – основных характеристиках предметов и явлений – и абстрагируется от лишних элементов, например, от вариантов значений, которые могут возникнуть в конкретном контексте и требующих уточнения и объяснения. Поэтому отсутствует необходимость внесения в словари (точнее говоря, в микроструктуру словаря – словарную статью) контекстуально обусловленных вариантов прилагательных, сопровождаемых избыточной детализацией их семантики. Мы согласны с утверждением М. В. Никитина о том, что «значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенно для человеческой практики» [7, с. 7]. Все эти значения не могут быть включены в любого рода лексикографические труды, в том числе и в словари.

Прилагательные кабардино-черкесского языка, с одной стороны, имеют фиксированную семантику, в соответствии с которой они употребляются в большинстве случаев. С другой стороны, с нашей точки зрения, любое исследование по прилагательным будет неполным без рассмотрения дискурсивно обусловленных варьирований их семантики. При этом важно отметить, что подобного рода варьирования чаще всего наблюдаются у качественных прилагательных. В относительных же прилагательных динамика семантики выражается не столько в варьировании, сколько в приращении значений (т.е. к основному значению прилагательных «прилагаются» дополнительные значения, возникающие в определенном контексте). В предлагаемом исследовании наше внимание будет акцентировано на качественных прилагательных и варьированиях их семантик в тех или иных контекстуальных их локациях.

Согласно А. П. Василевич, чёрный, белый, красный – основные три цвета во многих этносах [2]. В своей работе мы рассмотрим указанные цветообозначения в кабардино-черкесской языковой картине мира, так как «данные цвета являются основными оппозициями во многих картинах мира» [3, с. 219].

Анализ прилагательного «хужь» («белый») показывает, что наиболее частотная его семантика связана с положительным восприятием признака, обозначаемого данной лексемой. В «Словаре кабардино-черкесского языка» представлены три близких по смыслу значения рассматриваемого прилагательного:

«ХУЖЬ 1. белый (*о цвете*) / Уэсым е шэм я фэм хуэдэ. *Джанэ хужь*.

2. светлый / Хужьыфэ зыщIэт, хужьыфэ зытет. *Щыфэ хужь*.

3. со светлой кожей (как признак расы) / Зи щыфэ хужьыфэ (расэкIэ зэрызэщхьэцагъэкIым и дамыгъэу). ■ *Джон хужьымрэ Джон фIыцIэмрэ зэцIыгъуу ЕтIуанэ дунейпсо зауэм макIуэ*. Н.З.» [9, с. 717].

В первых двух значениях слово «хужь» содержит информацию, обозначающую определенный оттенок (белый, светлый). Третье значение, приведенное в словаре, представляет собой дискурсивно-семантическую вариацию рассматриваемого прилагательного. Слово *хужь* само по себе (вне определенного контекста) не несет информации (признаков) о расе, но в конкретном дискурсе может приобрести семантическую вариацию, характеризующую человека по расовой принадлежности. В цитируемой словарной статье присутствует иллюстрация, аргументирующая как интерпретацию семантики прилагательного в обозначенном ракурсе, так и подтверждающая возможность влияния контекста на семантику прилагательного. К ней мы добавим пример из поэмы «Два Джона» («ДжонитI») кабардинского поэта Б. Куашева, посвященной двум Джонам – чернокожему (или темнокожему) Джону и белокожему (или светлокожему) Джону. Это произведение является наглядным примером, подтверждающим выделенную в словаре и поддерживаемую нами дискурсивно-семантическую вариацию прилагательного «хужь». Например, в следующем отрывке из указанного произведения семантика прилагательного «хужь» содержит прямое указание на расовую принадлежность одного из героев:

«Джон – американ сэлэтыр

Уэсуэ щIыфэ хужьыт (здесь и далее выделено автором статьи. – З. Ч.)

НэгъуэщI Джон абы бгъэдэтыр

Негр фэ “вындыжьыт”» [5, с. 332]. /

«Джон – американский солдат –

Был, подобно снегу, белокожим,

Другой Джон, стоявший рядом с ним,

Был негром с кожей цвета “ворона”»

(здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – З. Ч.).

Здесь прилагательное «хужь» употребляется с семантикой, несущей в себе информацию о расовой принадлежности, при этом экспликации этой семантики способствует присутствие лексем «щIыфэ» (букв. «тело», «кожа на теле»), «фэ» («кожа»). В других местах в произведении встречаются примеры употребления рассматриваемого прилагательного в той же семантике, но уже в имплицированном виде. Например: «*Куэр хъеихукIэ гуцIэм ипхъуэу / Джон ипхацI Джона-хужь*» [Там же, с. 335]. / «При каждом движении бедра болью пронзая сердце, / Джон перевязал **Джона-белого**». Здесь под «Джоном-белым» подразумевается «белокожий Джон». А в следующем примере наблюдается еще большая степень имплицирования прилагательного «хужь», чем в предыдущем примере:

«А мыхъумыщIэр фигу къэкIащи,

Фхуэфэцэн вгъуэтыни,

Сэ жысIэмэ зэфIэкIащи,

Япэ хужьыыр фхъыни» [Там же, с. 336]. /

«Вы задумали плохое

И получите по заслугам,

Поскольку мое слово – закон,

*Первым унесете **белого**».*

В данном случае приведенный контекст не содержит информацию о семантике прилагательного «хужь», поэтому для экспликации его значения требуется обращение к более развернутому контексту произведения, из которого цитируется отрывок. И здесь под «хужь» подразумевается расовая характеристика – белокожий человек.

В целом прилагательное «хужь» несет позитивную информацию за счет того, что ассоциируется со снегом, молоком, а через них – с понятиями чистоты, свежести и т.п. Более того, существует общепринятое восприятие белого как цвета дня и черного как цвета ночи. Отсюда и вытекает ассоциация белого цвета с понятием добра, а черного – с понятием зла.

Варьирования семантики прилагательного «хужь» в определенном контексте приводят к возникновению новых значений. Например, от восприятия белого цвета как положительного знака, символа добра и чистоты и под влиянием дискурса употребления прилагательного «хужь» приобретает значение «*благородный/благородство*». В указанном выше произведении Б. Куашева рассматриваемое прилагательное приводится в значении «благородство», «величие»: «*Лыгъэ “хужькIэ” Джон-вындыжьыр / Хуабжъуэ цIэры-луат*» [Там же, с. 332]. / «**Благородством** (или великим мужеством; букв. «**белым мужеством**») Джон-ворон / Сильно был прославлен». Примерно такой же семантикой наделяется «хужь» в контексте устойчивого сочетания «*къушхъэ хужь*», переводимого буквально как «белая кость». Но эта фраза употребляется лишь в переносном, образном значении и для характеристики человека из знатного рода (или народа), как говорится,

«благородных кровей» (или «голубых кровей»). «Напэ хужь» (букв. «белая совесть») употребляется в значении «чистая совесть», а еще в более широкой семантике понимается как «безгрешный». Например, когда адыги говорят *«напэ хужькIэ Тхэм дызэхуихьыж»* (букв. «Пусть Тха воссоединит нас, будучи [людьми], сохранившими **белую совесть**»), то имеется в виду: «Пусть мы встретимся (воссоединимся) [в том мире], будучи с чистой совестью друг перед другом». Таким образом, в данном дискурсе семантика прилагательного «хужь» («белый») в сочетании с «напэ» («лицо», «совесть») варьируется между понятиями «совестный», «безгрешный», «честный» и т.п. К семантике «безгрешный» указанное сочетание больше всего приближается в высказывании *«Напэ хужькIэ Алыхьым и пацхьэм дрихьэж»*. / «Пусть предстанем безгрешными (букв. с **белой совестью**) перед Аллахом».

По верному замечанию Е. Б. Бесоловой и И. М. Баловой, «восприятие цвета – явление во многом субъективное и зависит от многих индивидуальных психофизических особенностей человека. Наряду с этим существует и интерсубъективное отношение к различным цветам, и в таком случае можно говорить о *символике цвета*» [1, с. 157]. Но любого рода восприятие чего-, кого-либо и мировоззрение личности в целом лежит в более широкой плоскости, чем субъективное или интерсубъективное, каковой является этноментальное мышление. Именно поэтому указанными исследователями отмечается, что «восприятие цвета носит и ярко выраженный *национальный характер* (курсив автора статьи. – З. Ч.), который определяется историей, бытом, спецификой восприятия окружающей действительности, природной и культурной среды, психологией, эстетическими представлениями и нравами этноса» [Там же, с. 158]. Так, например, белый цвет, воспринимаемый во многих культурах цветом добра, благополучия, благоденствия и т.д., в индийской этнокультуре выступает символом траура и ассоциируется со смертью. Но самым интересным представляется то, что и в адыгской национальной картине мира белый цвет имеет свойство приобретать негативную семантику в том или ином контекстуальном пространстве. В подтверждение приведем начальные строки поэмы «Зимняя ночь» («Щымахуэ жэщ») Али Шогенцукова:

*Жэщ губжьащи, жьы зэпихум
«Бадзэ» хужьыр кьырехьэкI,
КъуакIи тафи кьимыгъанэу
Джэбын хужьыр кьырешэжI [10]. /*

«Злобной ночью сквозной ветер
Разметает **белых “мух”**.
И ложбину, и равнину
Окутывает **белым саваном**».

Данный отрывок релевантен для нашего исследования не только тем, что в рамках одной строфы рассматриваемое прилагательное «хужь» встречается дважды, но и тем, что каждый раз оно употребляется в разных значениях. В первом случае его функция заключается в цветообозначении, т.е. употребляется по своему прямому назначению и переводится как «белый» («“бадзэ” хужь» («белая “муха”») – здесь подразумевается «белый снег»). Во втором же случае наблюдается дискурсивное варьирование семантики прилагательного «хужь», которое в сочетании со словом «саван» и в контексте зимней «злобной ночи» и бушующего «сквозного ветра» приобретает отрицательное значение. В данном конкретном случае исследуемое прилагательное используется с негативным значением и приближено к понятиям холода, смерти, безысходности и т.д.

Подобные дискурсивно-семантические варьирования наблюдаются и в употреблении прилагательных «фьыцIэ» («черный») и «пльыжь» («красный») в разных контекстах. При этом важно отметить, что наше обращение именно к рассматриваемым трем цветам – белому, черному и красному – не является случайным. «Первоначально индоевропейцы считали основными только три краски; это белая (символ неба как потустороннего мира, по которому путешествуют души умерших), черная (символ Преисподней), красная (символ божества, жизни, силы, очищения)» [1, с. 157].

Приведем несколько примеров, в которых наблюдается варьирование семантики прилагательного «фьыцIэ»:

1. *«ЖьакIэ фьыцIэ Iувым и кьэухьым и нэКлуцхьитIыр узыниагьэжIэ кьыхэтхьуэлпльыкIырт, жьыжьаплгэ и нэ фьыцIитIым лыгьэрэ тегуихуэныгьэрэ кьыцIихьырт»* [4, с. 143]. / «В обрамлении **черной** густой **бороды** здоровьем светилось его лицо, в **черных** далеко глядящих **глазах** отражались мужество и смелость». Здесь прилагательное «фьыцIэ» употребляется в своем основном значении – для обозначения темного цвета.

2. *«ЩыIэщ цьыхубз гунэс лым я нэхъ Iэлри игьэсабырыфу, щыIэщ цьыхубз зэгуэудыгьуи лым я нэхъ сабырри Iэл фьыцIэу зэригьэжIуэжIу»* [Там же, с. 7]. / «Есть милые сердцу женщины, умеющие успокаивать самого разгневанного мужчину, есть и несносные женщины, доводящие до белого каления [букв. “в **черную дикость**”] самого спокойного мужчину». В данном случае прилагательное «фьыцIэ» в контексте устойчивого сочетания «Iэл фьыцIэу кьызэжIуэжIын» («рвать и метать; дойти до белого каления») употребляется со значением «гневный», «разгневанный», «яростный» и пр.

3. *«Ауэ щыIэщ цьыху бзаджэ, гу фьыцIэ, псэ флейуэ цьыху Iей»* [Там же, с. 54]. / «Но есть злые люди, с **черным сердцем**, грязной душой, плохие люди». Здесь под «черным сердцем» подразумевается «плохой, вредный человек».

4. «Апхуэдэу хъурт мыри: зэхуагуэтэжыху зыгуэр цагагуэрэ, а зи гугу ящыр цыналъэ псэуцхъэ кызыргыгуэкIхэм ящымыцу, атIэ жин фIыцIэ, шейтIан, бзадженаджэ хуэмэбжымэ, цIыху Iэмалым кымытIэсын къару цэху гуэру къацыху хуат» [Там же, с. 423]. / «И такое случалось: рассказывая друг другу, настолько меняли и дополняли информацию, что то, о чем говорили, представлялось не обычным земным животным, а **черным джином**, шайтаном, потусторонним существом, неподвластным человеческому разуму». В данном контексте прилагательное «*фIыцIэ*» употребляется для обозначения нечистой силы или так называемой нечисти.

5. «Иджыпсту си ней пцыхуауэ, услъагуэ мыхъуу, **ажал фIыцIэм** хуэдэу сыпIуплъэн хуейт уэ» [Там же, с. 295]. / «Сейчас я должен был бы смотреть на тебя обиженным, презирающим взглядом, словно на **черную смерть**». В данном примере прилагательное «*фIыцIэ*» выступает некоторым факультативом при слове «смерть», которое само по себе наделено негативной семантикой, но оно употребляется для гиперболизации степени обиды, которая представляется автором хуже смерти. Но здесь отрицательное значение прилагательного усиливается и за счет его употребления со словом «смерть».

В кабардино-черкесском языке подобные же дискурсивно-семантические варьирования наблюдаются и в использовании других прилагательных. Например, семантика прилагательного «*плъыжь*», обозначающего красный цвет, меняется при его употреблении в определенном контексте. В сочетании «дыщэ плъыжь» («красное золото») оно сохраняет свою основную семантику – обозначение красного цвета. Но при употреблении данного сочетания при характеристике человека семантика прилагательного варьируется. Например: «“*Сыту фIыгуэ укъэкIуа, си дыщэ плъыжь*”, – жиIэри нанэ IэплIэ кыыхуицIац». / «“Как хорошо, что ты пришел (пришла), мой **бесценный** (моя **бесценная**)”, – сказав, бабушка обняла меня». Для понимания семантики прилагательного «*плъыжь*» в приведенном контексте адресат (читатель, слушатель) должен владеть информацией о том, что у адыгов самым ценным (можно сказать бесценным) из всех драгоценных металлов считается именно красное золото. Поэтому в данном дискурсе прилагательное «*плъыжь*» приобретает семантику «бесценный».

Таким образом, в кабардино-черкесском языке наблюдаются семантические варьирования прилагательных в зависимости от дискурса их употребления. Проведенная нами попытка систематизации дискурсивных вариантов семантик не является исчерпывающей, поскольку контекстуально обусловленных вариаций прилагательных может быть большое множество. Они обусловлены как природой самого языка, так и экстралингвистическими факторами (национальным аспектом, авторской позицией, мировоззрением и фоновыми знаниями коммуниканта и т.д.).

Список источников

1. **Бесолова Е. Б., Балова И. М.** Цветообозначения в традиционной культуре адыгов и осетин // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. 2009. № 3 (42). С. 157-170.
2. **Василевич А. П.** Языковая картина мира цвета [Электронный ресурс]: научный доклад. URL: https://revolution.allbest.ru/languages/00445175_0.html (дата обращения: 05.06.2019).
3. **Зеремская Ю. А., Солодовникова О. В.** Эволюция дихотомии «черный – белый» в национальной специфике цветообозначения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 219-222.
4. **Керефов М. Ж.** Оставить след: повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 568 с.
5. **Куашев Б. И.** Собрание сочинений: в 2-х т. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. Т. 1. 416 с.
6. **Кузнецова Э. В.** Лексикология русского языка: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
7. **Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики: учебное пособие. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. 819 с.
8. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
9. **Словарь кабардино-черкесского языка: около 31000 слов** / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Изд-е 1-е. М.: Дигора, 1999. 860 с.
10. **Шогенцуков А. А.** Сочинения / ред. А. Х. Хакушев. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2006. 199 с.

SEMANTIC-DISCURSIVE VARIATION OF ADJECTIVES IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Cherkesova Zareta Valerievna, Ph. D. in Philology
*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
zara7belle@mail.ru*

The article considers discursive variation of qualitative adjectives “хужь” (“white”), “фIыцIэ” (“black”) and “плъыжь” (“red”) in the Kabardino-Circassian language. Identification of discursive variants of word meanings makes it possible to explicate adjectival meanings, which are initially implicit or implicated in a certain type of discourse. The findings lead to the conclusion that semantic-discursive variations are conditioned both by the nature of the Kabardino-Circassian language and by the author’s intention.

Key words and phrases: Kabardino-Circassian language; adjectives; semantics; discourse; variation; context; implicit; subtext.